

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ

ДЬНЄСЛОВО

Збірка праць на пошану
дійсного члена Національної академії наук України
Петра Петровича Толочка
з нагоди його 70-річчя

Київ
2008

УДК 903 (4-11) "653"
ББК Т4(45)431
В2:Т3(45)414/43я434
Д-54

Редакційна колегія: *Гліб Івакін* (відповідальний редактор),
Олександр Моця,
Андрій Томашевський,
Олексій Комар (відповідальний секретар)

Редактори: *Сергій Павленко,*
Світлана Блащук

Дьнесслово: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. – К.: Корвінпрес, 2008. – 390 с.

Збірка наукових праць на пошану відомого історика й археолога академіка НАН України П.П. Толочка містить роботи провідних вітчизняних і зарубіжних дослідників з головних напрямків наукових інтересів вченого: історії, археології, культури Давньої Русі та Києва; проблеми утворення та розвитку давньоруських міст; культури кочових і осілих сусідів східних слов'ян і Русі; археології та історії України доби пізнього середньовіччя; питань методології історичного й археологічного дослідження; збереження та популяризації культурної спадщини.

Для істориків, археологів, етнологів, культурологів, викладачів та студентів вузів.

Рекомендовано до друку Вченою Радою Інституту археології НАН України (протокол № 2 від 29 січня 2008 р.)

© Автори статей, 2008

© Інститут археології НАН України, 2008

ISBN 000-00-0000-0

А.В. Комар
(Киев)

НАСЛЕДИЕ ЗАПАДНОТЮРКСКОГО КАГАНАТА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Отголоски бурных событий на востоке в I – нач. II тыс. н.э. обычно докатывались до Европы в виде новой волны кочевников, сменяющей прежнюю. Так случилось и в 60-х гг. VII в.: после гибели в 630–658 гг. Восточного и Западного Тюркского каганатов, активизировавшиеся хазары разбили болгар и заставили Аспаруха искать убежища в Подунавье. С этим событием большинство историков и связывают начало доминирования Хазарского каганата в Восточной Европе, продолжавшегося до выхода на историческую арену Руси.

Несмотря на явные геополитические изменения, европейские письменные источники VII–VIII вв. довольно уверенно рассматривают хазар как часть тюрков, не смешивая этот этникон с общим названием тюркоязычных кочевников – «гунны»¹. Так, Феофан называет союзников Ираклия 624–630 гг. во главе с джабгу «*Тюрками с востока, называющимися Хазарами*»². Ананий Ширакци в Краткой редакции «Армянской географии» (60–70-е гг. VII в.) называет кагана хазар «*Царём Севера*», хотя раньше этим титулом именовался каган западных тюрков³. Пространная же редакция «Армянской географии» (80-е гг. VII в.) называет появившихся к северу от Кубани хазар «*тюрками*», а к востоку от Волги по-прежнему локализирует «*Туркестан*»⁴, хотя Западнотюркский каганат погиб ещё до 658 г. Называет кагана хазар «*царём Туркестана*» в событиях 2-й пол. VII в. и хроника Мовсэса Дасхуранци⁵.

Арабские источники в передаче событий похода Салмана или Абд ар-Рахмана на хазарский Баланджар 654 г., называют противников арабов то «*тюрками*», то «*хазарами*»⁶. А в хадисе Ибн Зу-л-Калы, современника Му'авии (661–685 гг.), рассказывающей о хазарском вторжении 684 г. в Армению, нападавшие именуются «*тюрками*»⁷. Несомненное смешение этнонимов тюрков и хазар при изложении исторических событий наблюдается также в персидских и грузинских источниках⁸.

Сирийская хроника Зукнина (775–776 гг.), рассказывая о событиях хазаро-арабских войн 731–746 гг., называет хазар «*Тюрками*», Хазарию – «*землёй Тюрков*», а Дербент – «*Вратами земли Тюрков*»⁹. Феофан в тех же сюжетах о походах Масламы и Мервана против хазар использует названия «*Тюрки*», «*Тюркия*», «*земля Тюрков*», но «*горы Хазарии*». И далее, в событиях 762/763 и 764/765 гг. он снова называет хазар «*Тюрками*»¹⁰.

Сходная картина и в китайских хрониках: источник 30–50-х гг. VII в. «Повествование о Босы [Персии]» и книга Ду Юаня «Жиньхинь жи» (762 г.), использованные при составлении «Син Тан шу» (ч.221) и «Тон дьянь» (ч.230), называют хазар «*туцзюэский род Кэса*» (варианты переводов в различных изданиях: «*Хеса*», «*Коса*», «*Тюрки Хазары*», «*Тюркские Хазары*»), локализируя их на север от Персии и Византии, к западу от Согда¹¹. Тогда как другие народы Восточной Европы – аланы (*Alan*), берсилы (*Beirujiuli*), оногуры (*Enqi*), и унногундуры (*Fuwenhun*) – фигурируют в очень детальном перечне подчинённых тюркам племен «Теле» из Суй-шу¹², очевидно, представленном китайскому двору во время сватовства посольствами Тон-джабгу-кагана 619 и 622 гг.

Редкое единодушие византийских, китайских, армянских, албанских, грузинских, сирийских и ранних арабских источников о тюркской этнической принадлежности хазар, учитывая также факт практически полного сохранения ранним Хазарским каганатом социальных и административных институтов Западнотюркского каганата, заставляли исследователей хазарской проблематики признавать наличие как минимум тюркского

компонента («Ko-sa») как одной из составляющей в формировании хазарского этноса¹³. Другая гипотеза предполагает, что хазары были самостоятельным народом и назывались «тюрками» лишь благодаря созданному ими образу преемников Тюркского каганата¹⁴. Возникает закономерный вопрос: действительно ли с появлением хазар в Восточной Европе наблюдается и появление специфически тюркских археологических признаков, или же, подобно кыргызам или уйгурам, хазары обладали вполне самостоятельным комплексом материальной культуры?

Археологический поиск тюрков в Европе начался в сер. XX в. с гипотезы М.И. Артамонова о связи наиболее богатых комплексов перещепинской культуры с «тюркской верхушкой» Хазарского каганата¹⁵. Б.И. Маршак и К.М. Скалон связали с событиями тюрко (хазаро)-византийского союза 624–630 гг. происхождение части «сасанидской» и «византийской» группы предметов Перещепинского комплекса¹⁶. Позже Б.И. Маршаком и З.А. Львовой в составе Перещепины была более детально выделена и «тюрко-согдийская» группа предметов¹⁷. А.К. Амброз аргументировал связь Вознесенского комплекса с поминальными традициями высшей знати Тюркских каганатов, а также указал на тюркские аналогии коленчатым ножам¹⁸. А.И. Семенов, добавив наблюдения о параллелях в обряде кремации, одновременно обратил внимание на «алтайские» истоки техники инкрустации золотом железных предметов из Перещепины, Глодос, Вознесенки¹⁹. Последовательно отстаивает наличие ведущего тюркского компонента в среде ранних хазар А.И. Айбабин²⁰. А его идею о тюркских корнях погребений сивашовского типа с конем была поддержана Е.В. Кругловым, а также частично Р.С. Орловым и Ю.Я. Рассамакиным²¹.

Более осторожно к проблеме подходят П.П. Толочко и С.А. Плетнёва, отмечающие несомненные тюркские элементы в погребальных традициях и инвентаре памятников перещепинской культуры, но, одновременно, подчеркивая «интернациональность» многих ярких культурных элементов, которые могли быть заимствованными и соседними народами²².

В среде исследователей-алтаистов восточноевропейские материалы привлекали внимание крайне редко. Главной причиной этому было и остаётся большое разнообразие культурных типов кочевнических памятников на огромной территории I Тюркского каганата, как минимум, двусоставность его этнической структуры (тюрки и «теле»), что заставляет до сих пор вести дискуссии о характере и признаках собственно тюркской культуры в основном ареале проживания тюрков²³. Наиболее исследованные на сегодня регионы – это Алтай и Тува, по мере же продвижения на запад, вглубь территории Западнотюркского каганата, наши данные о культуре тюрков и зависимого от них населения скудеют. Между тем, в контексте проблемы хазаро-тюркских связей именно памятники западных тюрков приобретают решающее значение.

Свод тюркских поминально-погребальных памятников Казахстана А. Досымбаевой репрезентирует в основном комплексы конца VII–VIII вв.²⁴ Поэтому, пожалуй, главным источником о культуре племен «нушиби» и знати Западного каганата сегодня все ещё остаются согдийские фресковые росписи дворца Афрасиаба в Самарканде, выполненные в правление царя Вархумана (50–60-е гг. VII в.)²⁵. В зале дворца (помещение I) изображены сцены приёма посольств из Чаганиана, Китая (Восточного Туркестана), Кореи и Чача, убедительно связанные С.А. Яценко с событиями 662 г.²⁶. Главный интерес для нас представляют изображения тюркской свиты согдийского правителя.

Образы тюрков, несмотря на попытки художников придать каждому индивидуальность, довольно схожи. Тюрки изображены с длинными волосами, заплетенными в 4–5 косичек. Они одеты в длинные однотонные халаты с широкими отворотами и высокими обшлагами на рукавах, обычно обшитыми шёлком. Халаты запахнуты влево, на талии затянуты кожаным, украшенным золотыми или серебряными бляшками со вставками, или полотняным поясом, к которому подвешены меч, нож, сумочки и мешочки из шёлка (рис. 1, 10). На запястьях – по два золотых браслета с круглым камнем по центру, на шее – гривна с медальоном, состоящим

из квадратного центра и двух круглых камней по сторонам; в ушах – округлые серьги с каплевидными подвесками (рис. 2, 2, 10).

Полностью аналогичные украшения изображены и у послов из Чаганиана (рис. 1, 1), и у согдийского распорядителя Варухмана²⁷, т.е. можно говорить об определённой моде ираноязычной знати Средней Азии, заимствованной тюрками Согда. Хотя не исключено и обратное влияние. У одного из чаганианских послов хорошо заметна серьга с шипом вверх, на который крепился круглый камень или жемчужина (рис. 1, 1).

Серьги данного типа широко представлены в тюркских погребениях Алтая; именно такие серьги обнаружены и в поминальном комплексе Бильгэ-кагана²⁸ (рис. 1, 4, 5). В Восточной Европе они появляются в богатых комплексах перещепинской культуры: Келегеях, Глodosах, Новых Санжарах, Ясиново (рис. 1, 3, 7, 8), а также в Среднем Поволжье в комплексах новинковского типа (Шиловка)²⁹. Чуть позже, в середине – 2-й пол. VIII в. данный тип становится основным для погребений типа Соколовской Балки³⁰.

Вместе с «восточными» серьгами в комплексах перещепинского круга встречаются также кованые браслеты с ребром посередине (Перещепина, Новые Санжары, Глodosы), аналогичные киргизским из Копенского чаа-таса, причем в Глodosах, в традициях изображений Афрасиаба и тюркских скульптур Алтая³¹, такой браслет был украшен по центру камнем в напаянном гнезде (рис. 1, 11). Не менее точно соответствует моде Афрасиаба и глodosская плетеная гривна с трехчастным медальоном по центру (рис. 1, 12). На тюркских скульптурах гривны обычно изображены без медальонов; им могут соответствовать обыкновенные витые гривны³². В Восточной Европе псевдовитые гривны из кованого подквадратного в сечении прута известны в Келегеях, Новых Санжарах, Уч-Тепе, Старонижестеблиевской; лишь в Перещепине такая гривна усложнена вставкой медальона. В мужских погребениях из Уч-Тепе, Старонижестеблиевской и, очевидно, Новых Санжар в комплект к такой гривне входили также провололочные (псевдовитые или нет) наручные и ножные браслеты, отражающие традиции пышного среднеазиатского убора³³.

Рассмотренный набор украшений – серьги с шипом, плетеные гривны с многочастным медальонами, витые кованые гривны и браслеты, литые браслеты с утолщением по центру – не характерен ни для одного из народов Европы пред- и раннехазарского времени, в т.ч. и кочевников Аварского каганата. Это очень важный этнографический показатель, поскольку, как справедливо отмечено П.П. Толочко, при анализе комплексов перещепинского круга больше всего внимания уделялось наиболее многочисленной и атрактивной группе предметов, имеющей преимущественно византийское происхождение и поэтому распространенной, в различной степени, у большинства народов Европы³⁴.

Комплексы перещепинского круга долгое время рассматривались как принадлежащие к кругу памятников аварского культурного и политического влияния³⁵. Причиной этому был характерный комплект предметов, повторявшийся в богатых аварских комплексах и комплексах перещепинского круга: псевдопряжки, мечи с кольцевым навершием, ритоны, колчаны с расширяющимся верхом. Но, как неоднократно подчеркивалось исследователями, в отношении «элитной моды» этнические определения всегда будут несколько условны.

Первым ударом для «аварской» версии происхождения данного комплекта стало открытие на рукояти перещепинского меча с кольцевым навершием греческих букв – маркеров византийского мастера³⁶. Позже были накоплены наблюдения технологического характера над особенностями предметов из аварских и восточноевропейских комплексов, позволившие выделить в их составе особую группу вещей «варварского» стиля, но византийского производства³⁷, причем представлявших собой дипломатические дары, специально изготавливаемые придворными государственными мастерскими³⁸. На вопрос же, чьи именно вкусы отражал подготовленный византийцами для кочевников подарочный комплект, опять дает ответ живопись Афрасиаба.

Мечи с кольцевым навершием в VI–VII вв. использовали в Китае (рис. 2, 18, 19), Корее и Японии, а их изображения известны во 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII вв. на согдийских

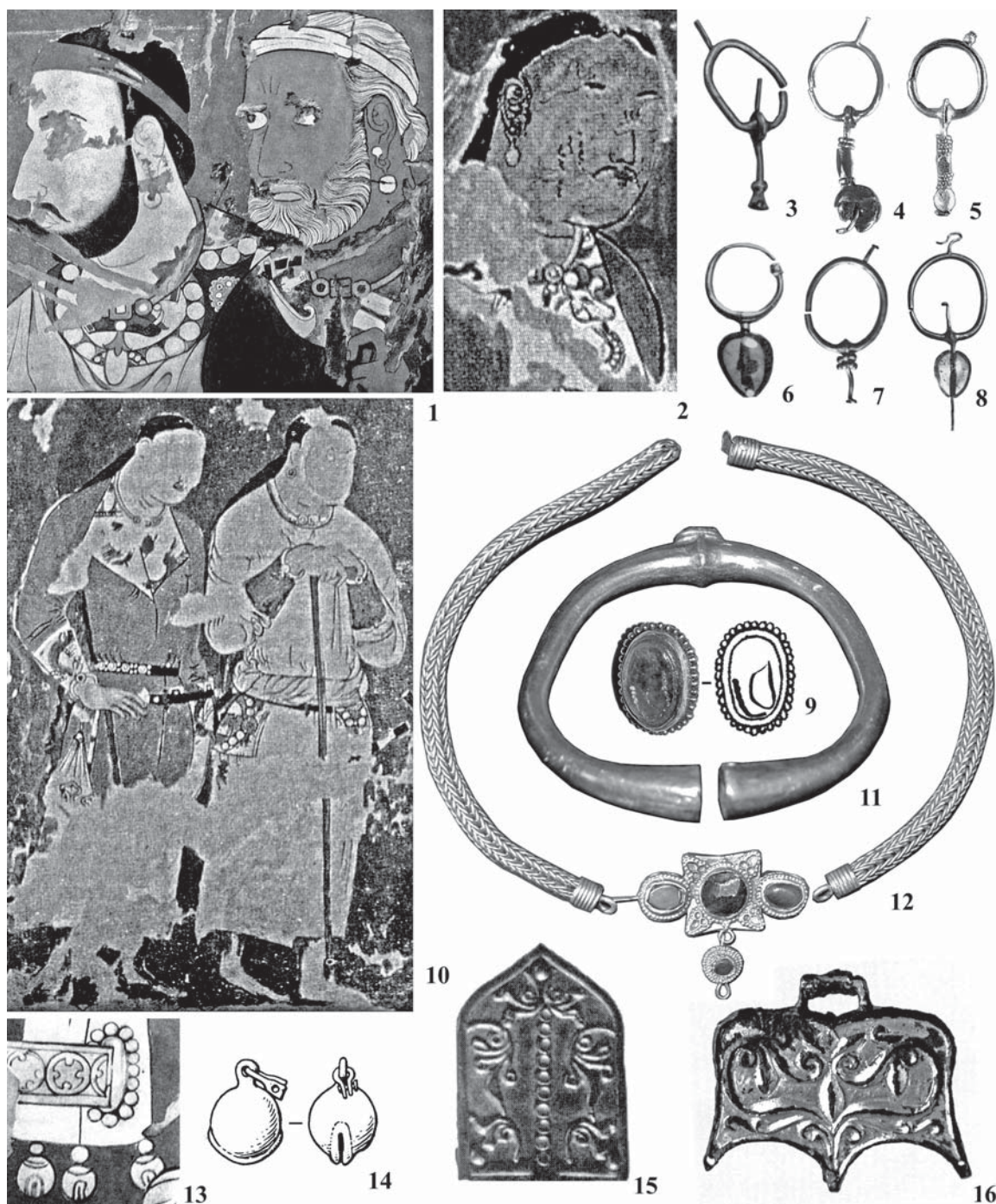

Рис.1. 1, 2, 10 – Афрасиаб; 3 – Келегей; 4 – Хушо-Цайдам; 5 – Балык-Соок I, к.11; 6, 15 (деталь) – Перещепина; 7, 8 – Новые Санжары; 9 – Виноградное, к.5; 11, 12 – Глодосы; 13 – Варахша; 14 – Чир-Юрт, к.6; 16 – Юстыд XII, к.29 (масштаб различный; источник иллюстраций указан в ссылках).

фресках Пенджикента, Варахши, Фундукистана, в живописи Восточного Туркестана и на тюркском изваянии из Арыксай³⁹. Но ближе всего европейским находкам изображения мечей корейского и восточнотуркестанского посольств на фресках Афрасиаба⁴⁰ (рис. 2, 5). Отличаются последние лишь формой скоб. В-образные скобы корейских мечей аналогичны китайским керамическим статуэток из могилы военачальника династии Суй Zhang Sheng (рис. 2, 7), которые, правда, А. Кох считает вариацией Р-образных⁴¹. Похожие декоративные изделия найдены и в Перещепине (рис. 2, 12), где они, возможно, принадлежали ножам ножа. Скобы перещепинского и аварских мечей с кольцевым навершием другой, фигурной формы (рис. 2, 11, 20). Аналогичные скобы ножен в Афрасиабе изображены только у представителей тюркской свиты Вархумана (персонажи 39, 41, 42) (рис. 2, 1). Все тюркские мечи свиты

Вархумана изображены с узким перекрестьем с ромбовидным утолщением по центру и на концах (рис. 2, 2-4, 8), очевидно, аналогичным китайским (рис. 2, 18). В восточноевропейских комплексах круга Перещепины данный вариант перекрестья становится несколько короче и с более выраженными ромбовидными выступами (Перещепина, Вознесенка, Глodosы, а также, судя по накладке ножен коленчатого ножа, Макуховке)⁴² (рис. 2, 21, 22). Вариант же узкого перекрестья с округлыми выступами на концах из Новых Санжар⁴³ отражает форму, в которой данный тип в конце VII в. попал к аварам⁴⁴. И аварские, и перещепинский экземпляры снабжены ложными выступами, имитирующими перекрестье (рис. 2, 20), тогда как реальное перекрестье представляло собой лишь узкую полоску, аналогичную китайскому мечу из Pei-Chueu-Shan⁴⁵ (рис. 2, 20).

Создается впечатление, что основой для подражания византийскими ремесленниками стал именно меч китайского (восточнотуркестанского) образца, но ножны и отделка для него были изготовлены по другому эскизу. Фигурные скобы (рис. 2, 11) полностью повторяют скобы согдийских тюрок – нушиби, а отделка ножен камнями в напаянных гнездах – персидский меч из коллекции музея Метрополитен (рис. 2, 17). Последний не совсем типичен для известной на данный момент серии персидских клинков VII в.⁴⁶ – длинная рукоять без наклона и «захвата» для пальцев, перекрестье с утолщениями на концах, удлиненные Р-образные скобы, декоративный «цветок» на ножнах – все эти признаки справедливо подтолкнули Г. Никеля к его сравнению с китайскими экземплярами⁴⁷ (рис. 2, 18). Вероятно, речь идет о мече, созданном под сильным китайским влиянием в восточных провинциях Персии или Согде, чем и объясняется необычно пышное декорирование ножен по сравнению с обычным чешуйчатым оформлением персидских клинков⁴⁸ (рис. 2, 14, 16).

Сплошное декорирование ножен вставками камней в напаянных гнездах хорошо заметно на ноже с кольцевым навершием согдийской фрески из Варахши (рис. 1, 13), а также на оружии Хосрова II с рельефов Так-и Бостана⁴⁹. Обильное же покрытие поверхности деталей перещепинского меча зернью характерно для персидских и восточноевропейских деталей ремней VII в.⁵⁰ На одной из зерненных бляшек конского оголовья из к.5 Виноградного даже нанесена надпись, которая в прорисовке авторов публикации выглядела несомненно пехлевийской, причем выполненной уверенной рукой мастера⁵¹, что обнадеживало в выделении не просто иранского влияния, но и непосредственно ремесленных изделий. Но осмотр бляшки показал, что начертание знаков отличается (рис. 1, 9), а надпись на стеклянную вставку нанесена довольно просто, наколами (возможно собственником узды). Учитывая же, что направление нанесения надписи при такой ориентировке бляшки – справа налево, речь может идти только о согдийском, либо же о тюркском раннеруническом письме.

Создать в перещепинском мече подобную «китайско-тюрко-ирано-согдийскую» компиляцию формы и стилей византийцам несомненно помогли согдийские купцы «Шелкового пути», ориентируя же подарочный комплект на вкусы тюрок-нушиби, они несомненно первоначально готовили его никак не для враждебного тюркам аварского, а именно для «перещепинского» двора.

Клинковое оружие кочевников перещепинской культуры отличалось у различных социальных групп. У рядовых воинов и небогатой родовой знати преобладали однолезвийные мечи или палаши без перекрестья с Р-образными скобами ножен (рис. 2, 15), практически полностью аналогичные аварским⁵² и персидским (рис. 2, 13) мечам, и в целом близкие китайским (рис. 2, 6). В Афрасиабе, если доверять цветным прорисовкам, ножны с Р-образными скобами были у тюркского персонажа 36 (рис. 2, 2), преобладали же С-видные скобы, которые в Восточной Европе впервые встречаем на изображении воина с характерными тюркскими косичками из к.17 Чир-Юрта⁵³ (рис. 3, 8). В комплексах же высшей знати перещепинской культуры клинковое оружие снабжено обычно Р-образными скобами (рис. 2, 10) и характерным тюркским перекрестьем с ромбовидными расширениями по центру и на концах (рис. 2, 21, 22). В комплект к мечу, как и тюрок Афрасиаба, входил также прямой или коленчатый нож (рис. 2, 8, 9, 23, 24). Близкие ножи использовались также персами

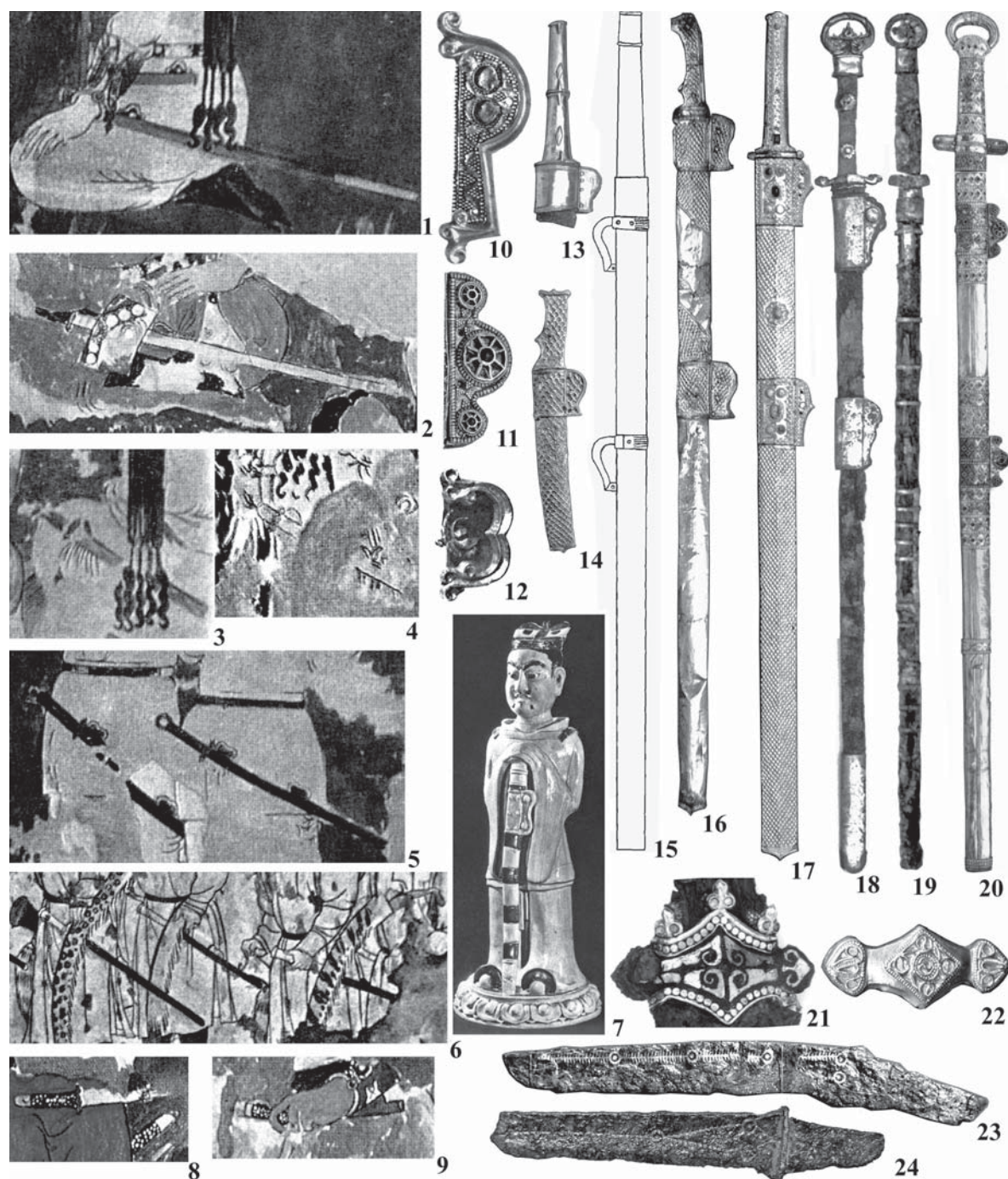

Рис. 2. 1-5, 8, 9 – Афрасиаб; 6 – гробница принца Chang-Huai; 7 – гробница генерала Zhang Sheng; 10-12, 20, 21 – Перещепина; 13 – Амлаш, Иран (Römisch-Germanisches Zentralmuseum); 14, 17 – Иран (The Metropolitan Museum of Art); 15 – Сивашовка (реконструкция); 16 – Иран (The British Museum); 18, 19 – Pei-Chueu-Shan; 22, 23 – Глодосы; 24 – Вознесенка (масштаб различный).

(рис. 2, 14), но коленчатая форма (Вознесенка, Глодосы, Макуховка, Шиловка) характерна в основном для тюрков⁵⁴. Также характерной тюркской деталью является инкрустация оружия из Перещепины и Глодос (рис. 2, 21, 23) и стремени из Вознесенки (рис. 3, 3) в технике насечки золотом по железу⁵⁵; идентичная глодосской насечка сохранилась и на обожженных ножах из Вознесенки (рис. 2, 24).

В комплекс вооружения кочевников перещепинской культуры входил сложно-составный лук «авиловского» типа⁵⁶, который, судя по рисунку из к. 17 Чир-Юрта (рис. 3, 8), в ненатянутом состоянии вкладывался в мягкое налучье и имел характерный сильный загиб в обратную сторону, даже более выраженный, чем у китайских луков⁵⁷ (рис. 2, 6). Стрелы носились в берестяных (рис. 3, 10) или деревянных колчанах с «карманом», используемых в

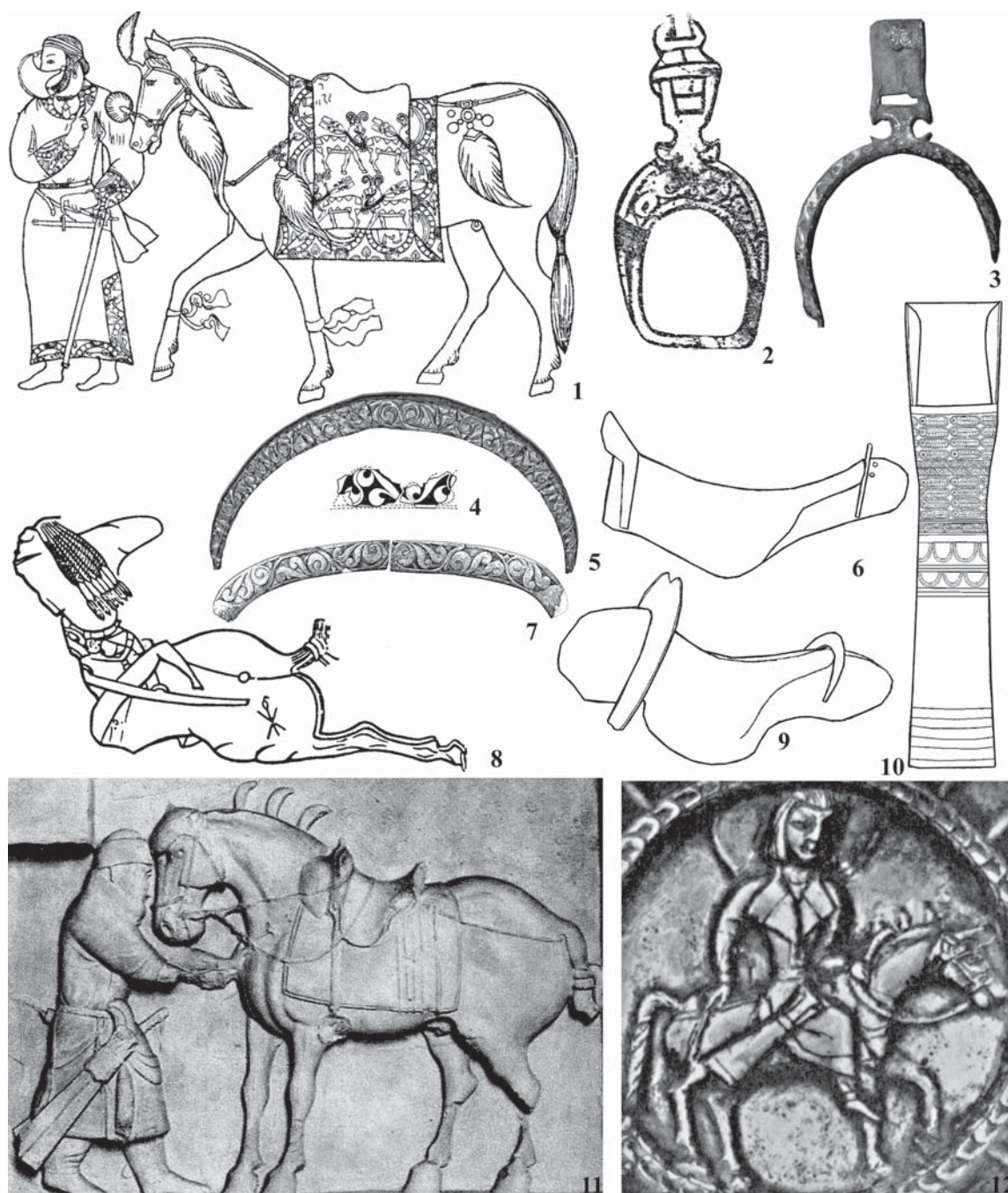

Рис.3. 1 – Афрасиаб; 2 – Уструшана; 3 – Вознесенка; 4, 8 – Чир-Юрт, к.17; 5 – Перещепина; 6, 10 – Сивашовка; 7 – Катанда II, к.5; 9 – Бородаевка; 11 – гробница Тай-Цзуна; 12 – чаша из Шахарова (деталь) (масштаб различный).

это время тюрками, аварами и китайцами (рис. 2, 6; 3, 11), а до конца VII в. заимствованных и жителями Хорезма, как свидетельствует чаша из Шахарова⁵⁸ (рис. 3, 12).

В снаряжении коня выделяется деревянное седло с наклонной передней лукой «кудыргинского» типа из Сивашовки (рис. 3, 6), которая читается под попоной лошади фресок Афрасиаба (рис. 3, 1) и на седлах барельефов гробницы китайского императора Тай Цзуна (637–639 гг.) (рис. 3, 11). Характерное тюркское седло «с лопастями» и с вертикальной передней лукой происходит из Бородаевки⁵⁹ (рис. 3, 9). В Перещепине и к.17 Чир-Юрта такие луки были декорированы металлическими и кожаными обкладками с орнаментом пальметтами (рис. 3, 4, 5), близкими по стилистике согдийским, но по происхождению уже более тюркскими (рис. 3, 7). Стремена с полукруглыми вырезами у петли из Вознесенки (рис. 3, 3) и Ясиново идентичны изображению на согдийской фреске из Уструшаны (рис. 3, 2), причем А.И. Семеновым отмечена их схожесть не только в форме, но и декоре инкрустацией⁶⁰.

Рис. 4. 1 – Балалык-Тене; 2, 3, 7, 11, 12 – Перещепина; 4 – Тибет (Uldry Collection, The Rietberg Museum); 5 – Афанасьєво; 6, 10 – Пенджикент; 8 – Туекта; 9 – Бертек XX; 13 – Курай; 14 – Новые Санжары; 15 – Иран (Berlin Museum of Islamic Art); 16 – Иран (The Corning Museum of Glass); 17 – Habikino-shi (Tokyo National Museum) (масштаб разный).

О.М. Приходнюк справедливо заметил, что сходные стремена (правда, без инкрустации) представлены и в аварском комплексе из Ченгед⁶¹, но появление у авар на этапе горизонта Озоры целого ряда новых «восточных» элементов (сабли с перекрестьем с выступами, С-видные скобы ножен, аркообразные стремена и т.д.) связывается исследователями с новой культурной или даже миграционной волной в Карпатскую котловину, последовавшей именно вследствие хазарского вторжения в Северное Причерноморье⁶². Широкое распространение также получили бубенчики с прорезью, наиболее ранние экземпляры которых полностью аналогичны изображениям из Варахши⁶³ (рис. 1, 13, 14).

В то время, как инновации в вооружении и снаряжении коня затронули в конце VII в. не только восточноевропейских кочевников, но и ряд соседних народов, бытовая культура знати перещепинской культуры резко выделяет её из среды соседей. В Перещепине, Келегеях, Павловке, Лимарёвке и Глодосах найдены золотые и серебряные сасанидские сосуды, ни одного экземпляра которых пока не обнаружено ни в аварских, ни в славянских, ни в

крымских комплексах – это эксклюзивные вещи для Северного Пичерноморья. Стеклянная шлифованная чаша из Новых Санжар (рис. 4, 14) также не имеет аналогий северо-западнее Закавказья – такие находки VI–VII вв. в основном связаны с Ираном, Кавказской Албанией, Арменией⁶⁴ (рис. 4, 15, 16). В то же время, находка иранского шлифованного кубка в п.107 Datong (провинция Шанхай) свидетельствует и об участии стеклянной посуды в обмене «Шелкового пути»⁶⁵, что заставило Ш. Фукаи предполагать и персидское происхождение двух полностью аналогичных новосанжарскому кубков из Японии: из храмового депозитария в Shoso-in (VIII в.) и погребения из Nabikino-shi (Осака), вероятно, японского императора VI в. Анкана⁶⁶ (рис. 4, 17).

Металлическая посуда собственного кочевнического производства найдена лишь в Перещепине. Наиболее детально она изучена Б.И. Маршаком, констатировавшим соединение несомненных тюркских форм с согдийскими и китайскими технологическими приемами и орнаментацией⁶⁷. Аналогичные кубки и кружки составляют практически неотъемлемый атрибут тюркских изваяний; представлены они также (в вариациях) в согдийской и тохаристанской живописи⁶⁸ (рис. 4, 1, 6, 10). Археологические эквиваленты из тюркских погребений, к сожалению, принадлежат уже к эпохе II Тюркского каганата, но и здесь, при отличиях в форме, наблюдаем идентичную конструкцию ручек («четырёхлепестковое» крепление, имитация шариков, листовидная площадка сверху)⁶⁹ (рис. 4, 7–9; 11–13), которая, в то же время, не была известна аварам. Общий прототип тюркских и аварских металлических кружек открыт в погребении M3 Qinghai (на китайско-кочевническом пограничье), датированном III в. н.э.⁷⁰ Судя по сохранению тюрками «лепестковой» подкладки под ручку, а также площадки под большой палец, их тюретика развивалась в более плотном контакте с Китаем, чем аварская. Второй элемент, отличающий перещепинскую посуду от аварской, – это растительный декор. Тисненый декор «растрепанной пальметтой» (рис. 4, 3, 7), широко представленный также на различных обкладках оружия из Вознесенки⁷¹, на востоке можно наблюдать не только на изделиях, имеющих согдийское происхождение, но и на атрибутируемых тибетским мастерам⁷² (рис. 4, 4, 5). Наиболее близок исходным согдийским прототипам декор пряжки из Перещепины (рис. 1, 15); сбруйная подвеска-распределитель в этом же стиле обнаружена в алтайском к.29 Юстыда II⁷³ (рис. 1, 16). Наконец, к чисто тюркским типам посуды принадлежат деревянные блюда-столики из Сивашовки и Бородаевки⁷⁴, а также деревянная кружка из Перещепины, форма которой реконструируется по золотым листовым обкладкам (рис. 4, 7).

Рассмотренная «тюрко-согдийская» группа предметов уверенно датируется 2-й пол. VII в., тогда как по письменным источникам влияние Западнотюркского каганата в Европе должно было к этому времени сойти к нулю. Наиболее ярко она проявляется в самых богатых комплексах перещепинской культуры, определяя специфически «нушибийский» облик «перещепинской» знати в части личных украшений, вооружения, снаряжения коня и особенно пышно – в наборе пиршественной посуды. Изображение всадника из к.17 Чир-Юрта (рис. 3, 8) свидетельствует и о наличии в среде населения Хазарского каганата характерных тюркских признаков внешнего вида – прически в виде перевязанных косичек и длинного халата, обусловивших характеристику ранних хазар (тюрков) как «златолюбивый, звериных нравов народ косоносец»⁷⁵. Именно эти, наиболее «зримые» элементы культуры знати Хазарского каганата, отличающие их от авар и различных зависимых кочевников более ранних миграционных волн (собираетельно – «гуннов»), и создавали хазарам в глазах соседей образ тюркского племени, легитимного наследника Западнотюркского каганата.

Современный археолог владеет и информацией, скрытой от глаз современников-чужеземцев, – о поминально-погребальной обрядности правителей кочевников, оставивших памятники перещепинской культуры. Исследования 2001 г. поминального комплекса Бильгэ-кагана в Хушо-Цайдам (Монголия)⁷⁶ принесли блестящее подтверждение гипотезы А.К. Амброза о связи Вознесенки, Глодос и Перещепины с поминальными традициями тюрков. Находка же миниатюрных копий золотого и серебряного наборов посуды подтвердила

правильность вывода исследователя об эволюции обряда в сторону постепенного уменьшения в комплексах количества напутственных богатств, их замену «символами», с одновременным возрастанием роли поминальных сооружений – куруков – и публичного культа царей-предков. По форме и размерам Вознесенка соотносится с куруками типа I по В.Е. Войтову, соорудившихся только в честь тюркских каганов и членов их семей⁷⁷. До недавнего времени подобные сооружения не были известны западнее Тувы; распространение же на Алтае куруков аютинского типа по В.Д. Кубареву связано в основном с периодом II Тюркского каганата⁷⁸. Это могло бы поставить под сомнение существование обряда сооружения куруков и правителями Западного каганата, но открытие поминального памятника с согдийской надписью в честь западнотюркского Нири-кагана (599 г.) в Монголкюре (Северный Тянь-Шань, провинция Xinjiang, Уйгурский автономный округ Китая), полностью идентичного по планировке курукам аютинского типа⁷⁹, рассеяло последние сомнения. Одновременно, это обнадеживает в поисках аналогичных памятников каганов Западного каганата VII в., которые, несомненно, смогут окончательно прояснить происхождение «тюрко-согдийских» элементов перещепинской культуры.

Китайские писатели сер. VII в. располагали «тюрков-хазар» к северо-востоку от Византии, на север от Персии и к западу от Согда. Именно этот треугольник связей – Византия-Персия-Согд – и наблюдается ярко в культуре высшей знати кочевников перещепинской культуры. При этом, последняя включает настолько выразительный блок признаков центральноазиатского происхождения, что является, наряду с памятниками монголов, одной из «самых восточных» по облику археологических культур Восточной Европы, значительно превосходя по этому признаку кочевников предыдущих миграционных волн – скифов, сарматов, гуннов, булгар, авар. На данный момент, пожалуй, не письменные источники, а именно археологические комплексы из Перещепины, Вознесенки и Глодос, могут рассматриваться как наиболее надежные свидетельства прямой связи правителей раннего Хазарского каганата с западнотюркской («нушибийской») линией тюркского каганского рода Ашина. В тоже время, «тюрко-согдийская» составляющая самой перещепинской культуры с полным правом может использоваться для характеристики материальной культуры пока ещё слабо изученной в археологическом плане группы тюркских племен «нушиби» Западнотюркского каганата.

¹ О невозможности идентификации с хазарами «Царства гуннов» в Дагестане см.: *Комар А.В.* К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шиловских курганов // *Степи Европы в эпоху средневековья*. – Донецк, 2001. – Т.2. – С.19; *Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // *Степи Европы в эпоху средневековья*. – Донецк, 2006. – Т.5. – С.235–236.

² *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. – М., 1980. – С. 34; *Mango C., Scott R.* The Chronicle of Theophanes Confessor. – Oxford, 1997. – P.446.

³ *Патканов К.П.* Армянская география VII в. по Р.Х. (приписываемая Моисею Хоренскому). – СПб., 1877. – С. 37–38.

⁴ *Патканов К.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // *Журнал Министерства народного просвещения*. – 1883. – Март. – С. 29.

⁵ *Мовсэс Каланкатуаци.* История страны Алуанк. – Ереван, 1984. – С. 100, 102, 127.

⁶ *Артамонов М.И.* История хазар. – СПб., 2002. – С. 195–197; *Большаков О.Г.* История Халифата. – М., 2000. – Т.2. – С. 174, 175, 252; *Шагинян А.К.* Армения накануне арабского завоевания. – СПб., 2003. – С. 86, 87.

⁷ *Арабские источники о тюрках в раннее средневековье*. – М., 1993. – С. 23.

⁸ *Shapira D.D.Y.* Iranian sources on the Khazars // *The world of Khazars*. – Leiden-Boston, 2007. – P.296–300; *Shapira D.D.Y.* Armenian and Georgian sources on the Khazars: a re-evaluation // *The world of Khazars*. – Leiden-Boston, 2007. – P. 319–331.

⁹ *Harrak A.* The Chronicle of Zuqnin, parts III and IV: A.D. 488–775. – Toronto, 1999. – P. 159, 160, 174, 206.

¹⁰ *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. – С. 45; *Mango C., Scott R.* The Chronicle

of Theophanes Confessor. – P. 563, 567, 600, 602.

¹¹ Hirth F. China and the Roman Orient: Researches into their Ancient and Mediaeval Relations as Represented in Old Chinese Records. – Shanghai, 1885. – P. 73–74, 83–85. Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. – Paris, 1903. – P.170; Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.–Л., 1950. – Т. 2. С. 315, 326, 329. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. –Новосибирск, 1989. – С. 84, 272; Ying L. Some Chinese Sources on the Khazars and Khwarazm // Archivum Eurasiae Medievali. – 2000–2001. – Bd.11. – P. 357–359.

¹² Ying L. Some Chinese Sources on the Khazars and Khwarazm. – P.356; Ying L. Western Turks and Byzantine gold coins found in China // Transoxiana. – 2003. – № 6. – http://www.transoxiana.org/0106/lin-ying_turks_solidus.html.

¹³ Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. – Л., 1936; Артамонов М.И. История хазар; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990; Moravcsik G., 1958; Golden P., 1980 Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. – Wiesbaden, 1992.

¹⁴ Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. – 2001. – Вып. VIII. – С.331.

¹⁵ Артамонов М.И. История хазар. – С. 192–193, 521–524.

¹⁶ Маршак Б.И., Скалон К.М. Перещепинский клад. – Л., 1972. – С. 7–19.

¹⁷ Сокровища хана Кубрата. – Л., 1997. – С. 80–84, 96–99, 192–212.

¹⁸ Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V - первой половине VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981; Амброз А.К. О вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. – М., 1982; Амброз А.К. Кинжалы VII–VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. – 1986. – № 4.

¹⁹ Семёнов А.И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // АСГЭ. – 1988. – № 29.

²⁰ Айбабин А.И. Погребение хазарского воина // СА. – 1985. – № 3; Айбабин А.И. Келегейское погребение военного вождя // Проблемы на прабългарската история и култура. – София, 1991. – Вип.2; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999; Aibabin A. Early Khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // La Crimée entre Byzance et le khaganat Khazar. – Paris. 2006.

²¹ Круглов Е.В. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // Вопросы этнической истории Волго-Донья. – Пенза, 1992; Круглов Е.В. Хазары – история только начинается // Хазары. – М., 2002; Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я. Новые памятники VI–VII вв. из Приазовья // Материалы I тыс.н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. – К., 1996.

²² Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. – К., 1999; Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. – СПб., 2003; Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – М.–Иерусалим, 1999; Плетнёва С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья – IV–XIII века. – Воронеж, 2003.

²³ см. обзор проблемы: Худяков Ю.С. Феномен культуры древних тюрков в Центральной Азии // Вестник РГНФ. – 2001. – № 4; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб., 2005.

²⁴ Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. – Алматы, 2006.

²⁵ Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. – Ташкент, 1975.

²⁶ Яценко С.А. О точной дате и обстоятельствах прибытия посольств, изображенных на росписях Афрасиаба // Узбекистан - вклад в цивилизацию. Бухара и мировая культура. – Бухара, 1995. – Вып. 3, часть 1; Яценко С.А. древние тюрки: костюм на разноцветных изображениях // «Museum», Интернет-конференция «Древности в музейных коллекциях». – Харьков, 2007. – http://formuseum.info/2007/11/25/jacenko_sa_drevnie_tjurki_kostjum_na_raznocvetnykh_izobrazhenijakh.html; Yatsenko S.A. The Costume of Foreign Embassies and Inhabitants of Samarkand on Wall Painting of the 7th c. in the Hall of Ambassadors from Afrasiab as a Historical Source // Transoxiana. – 2004. – N. 8. – <http://www.transoxiana.org/8>

²⁷ Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. – Табл. V; VI; VII; XIII; XIV; XXIII–XXVII.

²⁸ Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск, 1984. – Рис.5, 4–8; Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников. – Новосибирск, 2005. – Рис.16, 1–6, 11; Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – Рис.15.

²⁹ Сташенков Д.А. Об одной группе украшений Самаро-Симбирского Поволжья (серьги салтовского типа) // Культуры степей Евразии второй половины I тыс.н.э. (вопросы хронологии). – Самара, 1997. – С.60–64; Багаутдинов Р.С., Богачёв А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – Самара, 1998. – Рис.18, 5–17.

³⁰ Иванов А.А. Серьги из раннесредневековых кочевнических захоронений в курганах с ровиками Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. – Ставрополь, 2001. – С.84–86.

³¹ Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Рис. 5, 5, 17.

³² Там же. – Рис. 5, 3, 10.

³³ Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. – М., 1973. – С.15, 21, 23, 25, 31; Табл. 3; 10; 19; *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье*. – М., 1995. – Табл. 27-29.

³⁴ Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. – С. 22.

³⁵ Laszlo G. Etudes archeologiques sur la societe des Avars // *Archaeologia Hungarica*. – T. XXXIV. – 1955; Werner J. Der Grabfund von Malaja Perescepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. – Munchen, 1984; Balint C. Die Archaeologie der Steppe: steppen Volker zwischen Volga und Donau vom 6 bis zum 10 Jh. – Wien-Koln, 1989. и др.

³⁶ Львова З.А., Семёнов А.И. К проверке оснований реконструкции перещепинского меча // АСГЭ. – 1985. – Вып. 26. – С. 79; рис.3; *Сокровища хана Кубрата*. – Кат.25.

³⁷ Львова З.А. Набор предметов вооружения и снаряжения знатного воина из Перещепинского комплекса // АСГЭ. – 1998 – Вып.33; *Сокровища хана Кубрата*. – С. 68–72; Дайм Ф. История и археология авар // МАИЭТ. – 2002. – Вып. IX. – С.303; Daim F. "Byzantinische" Gürtelgarnituren des 8. Jahrhunderts // Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt. – Innsbruck, 2000. Bühler B. Ausgewählte Feinschmiedetechniken des 7. Jahrhunderts und ihre Merkmale am Beispiel von Goldschmuck aus Glodosy und Kelegeja (Goldkammer, Kiev, Ukraine) // Нові технології в археології. – К.–Львів, 2002.

³⁸ см.: Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. – С. 33-49, 192-216.

³⁹ Grancsay S.V. Two Chinese swords dating about A.D. 600 // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. – 1930. – Vol. 25. – № 9. – Fig.1-4; Koch A. Überlegungen zum Transfer von Schwertrag- und Kampfesweise im frühen Mittelalter am Beispiel Chinesischer Schwerter mit P-formigen Tragriemenhaltern aus dem 6.-8. Jahrhundert N. Chr. // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. – Mainz, 1998. – 45. – Taf. 73, 1, 2; 74, 2; 76, 1; 81, 1, 3; 84; Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. – С.21, 32; табл.28; *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье*. – Табл.49, 5, 6, 18, 23; Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1987. – Рис.68, 12; Świętoslawski W. Rola awarów w rozpowszechnieniu w Europie azjatyckich form uzbrojenia // *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Archaeologica*. – Lodz, 2001. – 23. – T.I. – Rys.2, A, C.

⁴⁰ Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. – Табл. IX; Арджанцева И.А. Раннесредневековые мечи Средней Азии и проблема происхождения сабли // Древний и средневековый Восток. – М., 1987. – Рис.1, 4, 6.

⁴¹ Koch A. Überlegungen zum Transfer von Schwertrag- und Kampfesweise im frühen Mittelalter am Beispiel Chinesischer Schwerter mit P-formigen Tragriemenhaltern aus dem 6.-8. Jahrhundert N. Chr. – S. 579–581.

⁴² Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. – Рис. 20.

⁴³ НА ИИМК РАН. – Ф. 5. – Д. 330, л. 277–279.

⁴⁴ У экземпляров из Озоров и Игара массивный центральный выступ, полностью же аналогичное перекрестье известно в п.7 Дунапентеле - Garam E. Katalog der awarenzeitlichen Gräber in Dunapentele // *Archaeologiai Ertesitő*. – Budapest, 1995. – Vol. 121–122. – Abb.8.

⁴⁵ Grancsay S.V. Two Chinese swords dating about A.D. 600. – Fig.2.

⁴⁶ Masia K. The evolution of swords and daggers in the Sasanian empire // *Iranica Antiqua*. – 2000. – Vol. XXXV. – Pl. 17–24; *Splendeur des Sassanides*, 1993. Kat. 35–41.

⁴⁷ Nickel H. About the Sword of the Huns and the "Urepos" of the steppes // *Metropolitan Museum Journal*. – 1973. – Vol.7. – P. 131–135.

⁴⁸ *Splendeur des Sassanides*. – Bruxelles, 1993. – Kat. 36–41.

⁴⁹ Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. – Табл. XII; Masia K. The evolution of swords and daggers in the Sasanian empire // *Iranica Antiqua*. – 2000. – Vol. XXXV. – Pl. 15; 16.

⁵⁰ *Splendeur des Sassanides*. – Kat. 42–44. Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. – Рис. 19.

⁵¹ Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я. Новые памятники VI-VII вв. из Приазовья. – Рис.3, 6.

⁵² Bona I. Studien zum frühawarischen Reitergrab von Szegvar // *Acta Archaeologica Hungaricae*. – 1980. – T.XXXII. – Abb. 9, A, B; Török G. The Vesztek cemetery // *Avar Finds in Hungarian National Museum (Cemeteries of the Avar period /567-829/ in Hungary)*. – Budapest, 1975. – Vol.1. – Fig.6, 1;

Garam E. Der awarische Fundstoff im Karpatenbecken // Die Völker Südosteuropas im 6. bis 8. Jahrhundert. – Berlin, 1987. – Taf.17, 2.

⁵³ Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. – М., 1983. – Рис.23.

⁵⁴ Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Рис. 8; Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – С. 156; рис.68, 46, 47, 51-58.

⁵⁵ Семёнов А.И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. – С. 103–107.

⁵⁶ См.: Круглов Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2006. – Т.4; Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2006. – Т. 5. – С. 286–287.

⁵⁷ Fong M.H. Four Chinese Royal Tombs of the Early Eighth Century // *Artibus Asiae*. – 1973. – Vol. 35. – N 4. – Fig. 8.

⁵⁸ Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. – Л., 1976. – Табл.25, 1.

⁵⁹ Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Ученые записки СГУ. – Вып. XVII.

⁶⁰ Семёнов А.И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. – С. 105.

⁶¹ Приходнюк О.М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). К. – Чернівці, 2001. – С.38.

⁶² Балитт Ч. Введение в археологию авар // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. – Ижевск, 1995. – С. 38-53.

⁶³ Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. – Рис.25, 4.

⁶⁴ Fukai S. Persian Glass. – New York-Tokyo, 1977. – P. 35-39; Гулиев Н.М. Торговые связи Кавказской Албании в раннем средневековье (по археологическим данным). Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Баку, 1972. – С.18, 19; Калантарян А.А. Армения. Ранне средневековье (IV–VIII вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. – М., 2003. – Табл. 148, 20; Berlin Museum of Islamic Art, № I.2/62; Harper P.O. The Royal Hunter. Art of the Sassanian Empire. – New York, 1978. – Kat. 82.

⁶⁵ China. Down of a Golden Age, 200-750 A.D. – New York, 2005. – Kat.65.

⁶⁶ Fukai S. Persian Glass. – P.38-39, fig.28-30.

⁶⁷ Сокровища хана Кубрата. – С.192-205.

⁶⁸ Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая. – С. 33–35; рис. 6, 1, 2; Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. – Табл. 17; 21; The Cambridge History of Iran. – London – New York – Vol. 3(2). – Fig. 135.

⁶⁹ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. – 1949. – № 9 – Табл. LII, 4. 5; LVI, 1, 2; Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Рис.12, 1; Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая. – Табл. 130; Археологический web-музей: <http://mmedia.nsu.ru/museum/Data/> – obj69; obj70; obj543.

⁷⁰ China. Down of a Golden Age, 200-750 A.D. – Kat. 100.

⁷¹ Гринченко В.А. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. – 1950. – Т. 3; Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. – Рис. 15, 3, 8–16; 27.

⁷² Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. – Табл.15; Heller A. The Silver Jug of the Lhasa Jokhang (Some Observations on silver objects and costumes from the Tibetan Empire (7th–9th century)) - <http://www.asianart.com/articles/heller/index.html>.

⁷³ Сокровища хана Кубрата. – Кат. 81; Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая. – Табл. 31, 4.

⁷⁴ Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья. – Рис.27, 1; Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. – С. 131.

⁷⁵ Мовсэс Каланкатауаци. История страны Алуанк. – С. 81.

⁷⁶ Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана.

⁷⁷ Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М., 1996. – С. 27–32.

⁷⁸ Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – С. 51–55.

⁷⁹ Ōsawa T. Aspects of the relationship between the ancient Turks and Sogdians - Based on a stone statue with Sogdian inscription in Xinjiang- // Ēran ud Anērān. Studies presented to Boris Ilich Marshak on the Occasion of His 70th Birthday. – Venice, 2006. – Fig.1.